

Екатерина Останина

Криминальные кланы

Криминальные истории

Екатерина Останина

Криминальные кланы

«ВЕЧЕ»

Останина Е. А.

Криминальные кланы / Е. А. Останина — «ВЕЧЕ»,
— (Криминальные истории)

Перед вами новая книга из серии «Колесо фортуны». На этот раз она рассказывает о жизни тех, чьи дороги волею судеб пересекаются с путями закона – о боссах и бойцах криминальных кланов. Эта книга откроет вам удивительный, романтический и одновременно жестокий мир, по законам которого живут эти люди, так часто именующие себя «людьми чести».

© Останина Е. А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Введение	5
Глава 1.	12
Томмазо Бускетта.	13
Стефано Бонтате.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Екатерина Останина

Криминальные кланы

Введение

Криминальные кланы... «Люди чести», члены одной семьи или обычные преступники?

О том, что такое мафия, в настоящее время каждый человек имеет некоторое представление, поскольку мафиози, современные рыцари плаща и кинжала, являются героями многочисленных кинолент, книг, газетных репортажей. Однако на самом деле мафия – это социальный феномен, который в настоящее время нуждается в глубоком исследовании, поскольку данное явление сейчас охватывает практически все страны мира.

Посмотреть на мафию отстраненно пытались многие писатели. Так, например, итальянский писатель Луиджи Малерба в своем произведении «Башковитые куры» так излагает собственный взгляд на мафию и ее структуру:

«Одна курица решила стать членом мафии. Она пошла к министру мафии, чтобы получить у него письменную рекомендацию, но он сказал ей, что мафии не существует. Она пошла к судье мафии, но и он сказал, что мафии не существует. Тогда курица вернулась в курятник и на вопросы своих товарок отвечала, что мафии не существует. И тут все куры подумали, что она вступила-таки в мафию, и стали ее бояться».

Итак, мафия существует, и все об этом знают. Единственное, что в последнее время получило большую огласку, – это информация о внутренней структуре мафии, державшаяся до последнего времени под строжайшим секретом. Можно сказать, что дела мафии были покрыты завесой тайны для представителей внутренних органов всех государств: они не имели ни документов, ни записей, составленных преступными организациями. Вернее, таковые документы, конечно, были, но в руки властей они не попадали никогда.

В чем же состоит секрет этого необычайного феномена? Дело в том, что мафия никогда не являлась обычной организацией преступников; она всегда была прежде всего сообществом, своеобразным государством в государстве, а государство характеризуется железной дисциплиной и мощной идеологической базой. Мафии практически никогда не было известно такое широко распространенное явление, как предательство.

Помимо этого, население, как и куры из притчи Малербы, прекрасно знало о том, что мафия действительно существует. Так, на Сицилии, родине мафии, люди предпочитали молчать о том, что видели: кто из страха, кто окончательно задавленный нищетой. Наконец, кто дерзнет восстать против реальных хозяев жизни? В этой борьбе можно потерять не только свою жизнь, но и порой близких, что гораздо страшнее. Так не лучше ли искать покровительства у того, кто гораздо сильнее? Подобное поведение получило название «закон омерта», или проще «молчание». Если перевести слово «омерта» с сицилийского диалекта, то оно означает «поведение, достойное настоящего мужчины». А последний никогда не станет разглашать секретов своей семьи (как настоящий гражданин – секретов государства).

Мафия появилась на Сицилии в конце XIX столетия, в период правления Бурбонов. Как сейчас, так и тогда это была беднейшая часть Италии, даже в собственной стране ощущавшая себя не родной дочерью, а скорее падчерицей. Конечно, и там были аристократы в высшем значении этого слова, каким предстает, например, главный герой знаменитого фильма Лукино Висконти «Леопард», но большими доходами они не располагали, разве что от своих скудных земельных угодий. В политике они не имели никакого веса, а правители не считали нужным даже изредка приглашать их ко двору. Работать же на земле для дворянина везде – не только

в Италии – считалось занятием позорным. В результате аристократы, задыхавшиеся в тисках безденежья, были вынуждены сдавать свою землю в аренду так называемым габелотти.

Эти сицилийские арендаторы земли, также прекрасно осознававшие тяжесть своего материального положения, решили проблему кардинально и обзавелись личными вооруженными отрядами, главной задачей которых было выколачивание денег из крестьян. Только с помощью силы возможно получить послушание – таково было их кредо, и, наверное, они были в чем-то правы, поскольку достаточно скоро габелотти превратились в успешных предпринимателей. Они владели виноградными и оливковыми плантациями, прессами и мельницами, а для усмирения непокорных всегда имели под рукой мобильные армейские отряды.

Во время гарибальдийского движения большинство габелотти приняли сторону повстанцев, что способствовало усилению их престижа. В результате габелотти сумели завладеть землей, принадлежавшей ранее аристократии. Однако в этот момент произошел парадокс: едва превратившись из рабов в господ, подчиненные унаследовали вместе с земельными пространствами также и пороки своих бывших хозяев. Только эти пороки к тому же еще и усилились. Устами своего главного героя, аристократа Джузеппе, Томази ди Лампедуза в романе «Леопард» сказал: «Мы были леопардами, львами; те, кто займет наше место, будут шакалами, гиенами». А шакалы и гиены, как известно, сначала пожирают общественные блага, а потом принимаются друг за друга. Оттого-то так легко в мафиозных группировках одни влиятельные люди заменяются другими, оттого так часто происходит война между взрослым поколением кланов и молодым. А для достижения цели, как известно, используют любые средства, в том числе убийства.

С давних пор и по настоящее время на Сицилии габелотти нужна земля и ничего, кроме земли. Здесь не хотели ни перестраиваться, ни увеличивать доходы от земель; габелотти вполне хватало того, что эта скудная земля могла им дать. Получая же от своих владений доходы, они вкладывали деньги в другие земли – таков сицилийский менталитет, и недаром здесь до сих пор жив постулат (даже не пословица) «Земли – сколько видишь, а дом – какой есть». Таким образом, домишко вполне может быть и неприглядным с виду, но земля... Вероятно, оптимальным было бы скупить всю землю, которую сможет охватить глаз.

Один из вице-королей Сицилии XVIII столетия был поражен подобной особенностью местного населения, рассказывая, как на этом острове деньги, полученные от земли, снова превращаются в землю, тогда как ни гроша не тратится ни на промышленность, ни на торговлю, ни на обустройство имеющейся земли.

В начале XIX века новая организация была замечена властями и вызвала у них значительную тревогу, хотя в то время слово «мафия» еще не было произнесено. Тем не менее генеральный прокурор Сицилии с тревогой писал в правительственном рапорте: «На Сицилии... всеобщая продажность привела к тому, что народ стал прибегать к средствам странным и опасным. Во многих местностях существуют братства... которые не устанавливают между своими членами никаких связей, кроме общей зависимости по отношению к главе братства...

У них есть общая касса, и народ научился договариваться с преступниками. Многие высокопоставленные служащие покрывают существование таких братств, покровительствуя им... Невозможно добиться от городских полицейских, чтобы они патрулировали улицы, невозможно найти свидетелей преступлений, совершаемых средь бела дня...»

Наконец в 1875 году впервые в мире прозвучало само слово «мафия», которое впоследствии стало частым на страницах газетных полос. И это слово произнес заместитель префекта Палермо Сорани. «Мафия... эта огромная организация, – предупреждал он министра внутренних дел Италии, – распространилась на весь социальный организм и, действуя как методами запугивания, так и покровительства, может заменить собой публичную власть... Во всяком случае, она обладает во сто крат большей силой, нежели правительство и закон».

С тех пор многие исследователи пытались расшифровать слово «мафия». Некоторые находят его истоки в глубоком Средневековье, XIII столетии. В это время сицилийцы, поднявшиеся на войну против оккупации острова Францией, подняли на щит лозунг «Morte alla Francia, Italia anela», то есть «Смерть всей Франции, вздохни, Италия». Если внимательно посмотреть на это предложение, то из начальных букв слов как раз сложится слово «мафия».

Если же обратиться к словарю сицилийского диалекта Трайны, то в нем это слово расшифровывается более приземленно. Этот термин имеет тосканское происхождение, где существует слово «maffia», и означает оно «нищета». Впрочем, Трайна не считает подобное значение унижительным. Вовсе нет. Человек мафии по определению невероятно самоуверен и надменен, поскольку принадлежит к племени отверженных. Что же касается нищеты, то, конечно, он нищий, потому что велик, исключительно потому что силен, отважен и тверд духом.

С Трайной соглашается также крупный специалист по народным традициям Сицилии Джузеппе Питри: «Мафия – это сосредоточенность на самом себе, чрезмерное полагание на собственную силу – первого и последнего арбитра в любом деле, в любом конфликте, материальном или идейном: отсюда – нетерпимость по отношению к чужому превосходству, а еще более – к чужому высокомерию. Мафиози хочет, чтобы его уважали, и почти всегда сам уважает других. Если он оскорблен, то не полагается на закон, на правосудие, но самолично его вершит; когда же ему для этого недостает силы, он действует с помощью других людей, которые чувствуют так же, как и он». Таким образом, типичный мафиози – это воплощение свободолюбия, а потому он привык занимать горделивое положение по отношению к стремящимся его унижить сильным мира сего, особенно если так называемые сильные мира сего сами слабы и зависимы, а закон бессилён.

Однако это мнение специалистов, хотя и авторитетных.

А как же идентифицируют себя сами члены мафии? Они именуют свою организацию «Общество чести». Что касается американских мафиози, то их обычно называют «Коza Ностра», или «Наше дело». В любом случае эти люди считают себя воплощением мужества и достоинства, гордости и чести и специфической элитой.

Сицилийцы полагают, что, возможно, впервые организация, подобная мафии, возникла у них в XIII столетии, в гонимой секте сторонников Франциска Паолийского. Этим сектантам приходилось днем скрываться в пещерах. Практически весь день у них занимали молитвы; ночью же они совершали вылазки, чтобы творить правосудие, защищая бедных от произвола богатых.

Вступить в мафию, во всяком случае раньше, было непросто. Каждый новичок в обязательном порядке проходил процесс инициации. Основными словами клятвы являлись готовность нового члена отдать все силы на защиту семьи (причем до сих пор на Сицилии желать жену ближнего своего полагается одним из самых страшных грехов, искуплением которому служит лишь смерть), сирот и вдов, а также беспрекословно подчиняться вышестоящим инстанциям. Однако при всем этом членом организации способен стать исключительно такой человек, который уже успел зарекомендовать себя в качестве хладнокровного убийцы, и в этом состоит секрет того, почему юные преступники в любой стране часто совершают преступления, на первый взгляд ничем не мотивированные. Они обязаны зарекомендовать себя с лучшей стороны, и это непреложный закон.

Вступить в мафию считалось честью; во всяком случае статус человека в глазах окружающих стремительно вырастал. Узнать мафиози было всегда легко хотя бы по манере одеваться и специфическому поведению и разговору. Так, на Сицилии члены мафии носили яркие шейные платки, вели себя грубо и развязно; в России братву тоже узнать несложно по кожаным курткам специфического покроя, серебряным или золотым цепям и т. д.

При всем этом большинство членов мафии – люди глубоко религиозные. Религия непременно присутствует, к примеру, в обряде инициации сицилийца, правда в необычно трансформированном облике. Так, новичок должен уколоть себе палец и дожидаться, пока несколько капель крови упадут на бумажную иконку. После этого бумажка поджигается, а человек тем временем перекладывает ее из одной руки в другую, произнося формулу: «Моя плоть пусть сгорит, как эта святая икона, если я не сохраню верности своей клятве».

Что ж, эти люди так понимают религию, таков их менталитет: ведь распяли же героя рассказа Хорхе Луиса Борхеса, студента, пытавшегося объяснить Евангелие неграмотным индейцам. Просто именно так они восприняли текст Священного Писания, в соответствии со своими многовековыми воззрениями уверовали и принесли жертву. Так что их понимание библейского текста абсолютно логично.

Чтобы понять суть ритуалов сицилийцев, достаточно взглянуть хотя бы на некоторые сентенции, включенные в обряды различного рода. В них причудливо перемешались народные верования, религиозность и сознание аристократов. Вот небольшой диалог из обряда инициации:

«– Окажите мне честь, мудрый товарищ, скажите, как Вы узнали общество? – Было прекрасное утро субботы и светила звезда. Когда я шел, то увидел сад с розами и другими цветами и посреди сада стояла звезда. Меня встретил ангел и спросил: “Чего Вы ищете?” – “Я странствую в поисках садика с розами и другими цветами, где крестят отроков – каморристов и юношей чести”. – “Если Вы ищете этот сад, то входите”. И так я вошел».

А вот диалог, происходящий при избрании члена мафии на более высокую должность:

«– Окажите мне честь, мудрый товарищ, я разговариваю с вами. Можете ли Вы ответить, что представляет собой Незримое общество?»

– Высокочитимый мудрый товарищ, Незримое общество представляет собой огромный зеленый луг, вокруг которого непрерывно гуляют ангелы и несравненные кавалеры, чтобы расставить по местам все вещи, что находятся за его пределами; все души духовные и телесные, которые их знают; друзей и родственников из другого мира, которые их не знают. Кто попадает к ним, тех узнают, и они показывают только свои достоинства, чтобы их узнали. Они исполняют обязанности святых рая, которые принимают и направляют всех в соответствии с заслугами: луг и крест, крест и луг».

Отчего же так странно переплетаются религиозные воззрения и высшие помыслы с жестокими убийствами? Вероятно, причина этого кроется в том, что сами члены мафии привыкли делить всех людей на ряд определенных категорий. В результате кодекс чести действительно нерушим, но только внутри самого клана. Например, каждый член клана обязан говорить своему соратнику только правду. Что же касается прочих людей, пусть даже другой семьи, то на нее действие подобного кодекса не распространяется. Тот, кто не входит в клан, причисляется к людям низшего сорта. Столько невинных людей погибало только потому, что просто случайно они оказывались рядом с человеком, приговоренным мафией к смерти! По этой же причине с невероятной жестокостью из непричастных заведомо людей мафиози выколачивают нужную им информацию, хотя доподлинно знают: их жертве ничего не известно.

Как иллюстрацию, демонстрирующую отношение членов клана к прочим представителям человечества, можно привести маленький отрывок из произведения Леонардо Шаши «День совы», в котором главный герой, глава мафиозного клана, говорит: «То, что обычно называют человечеством, я делю на пять категорий: люди, полулюди, людишки, рвачи и шушера. Людей чрезвычайно мало, полулюдей мало. Будь моя воля, я остановился бы на полулюдях... Так нет же, деградация идет еще ниже, до людишек: они дети, возомнившие себя взрослыми. И еще ниже, до рвачей, которых уже легионы. И наконец, до шушеры: им следовало бы жить в прудах вместе с утками, ибо их жизнь имеет не больше смысла и пользы, чем жизнь уток...»

Что ж, действительно, большинство людей не руководствуются кодексом чести, нарушение которого регулируется исключительно при помощи убийства.

Смертный приговор члену клана, решившемуся посягнуть на устои мафиозной организации, обычно выносил сам глава – капо, или дон. Глава семьи при этом лично приходил к киллеру, человеку младшего мафиозного разряда (по-итальянски его обычно называли «пиччотто» – «малыш»), приветствовал его поцелуем в губы и произносил следующее благословение: «Если мать требует, малыш повинется». После этого избранник капо в прежние времена брал лупару – аналог российского обреза, заряженного картечью, – и отправлялся на выполнение задания (с 1980-х годов лупара отошла в прошлое, и ее место занял «калашников», сразу сделавшийся излюбленным оружием киллеров, и не только итальянских). При этом о вынесении смертного приговора провинившийся человек всегда предупреждался заранее.

На Сицилии существовал целый ритуал, предшествовавший казни. Например, если оскорбление было нанесено роду или семье, то наутро приговоренный к смерти находил перед своим порогом труп мула. За предательство обычно получали другой «подарок» – отрезанную овечью голову. Обреченному стреляли в голову, и он не испытывал особых мучений за исключением тех случаев, когда за большую провинность момент смерти намеренно желали оттянуть. В этом случае в гильзе патрона картечь смешивали с солью и стреляли не в голову, а в тело, чтобы причинить жертве долгие и страшные мучения. Далее убийца «подписывался» под произведенной работой. В этом случае впоследствии предателя находили с камнем во рту, а продавшегося за деньги – с монетами. Изобретательность мафиози была поистине беспредельной.

Что же касается «малыша», то, выполнив это задание, он получал повышение, автоматически переходя в другую категорию – «тавара», или «быка». Нечто похожее наблюдалось и в других странах, в том числе и в России. А поскольку желающих получить повышение всегда было много, то и члены кланов не представляли собой исключение, и желающих попробовать себя на поприще убийцы всегда было более чем достаточно.

В любой стране мафиозная организация обычно базируется на территориальном принципе. Например, территория Палермо поделена между 20 семьями, а Нью-Йорк контролируют 5 организаций подобного рода.

Каждый такой участок неприкосновенен, и хозяева могут распоряжаться им как угодно. Однако, когда доходит дело до чужих участков, член другой семьи не имеет права не то что совершить там преступление, но даже приобрести, например, дом. Если он нуждается в чем-то подобном, то должен испросить разрешения у семьи, контролирующей участок.

Во главе семьи «людей чести» стоит глава, называемый сицилийцами капо. У него есть заместитель и от одного до трех советников. Далее следует среднее звено. Это командиры бойцов, в подчинении которых обычно находится 10 человек. Всего реальных бойцов у каждой семьи – от 20 до 70, однако на самом деле желающих сотрудничать с мафией так много, что создается впечатление, будто бойцов гораздо больше, тем более что мало кто отказывается оказать мафии хотя бы разовую услугу.

Боец вполне может пройти все ступени и в конце концов сделаться главой семьи, примером чему служит история жизни Лучано Луиджи – знаменитого Счастливого Лучано, о котором будет рассказано ниже. Этот человек вышел из беднейшей крестьянской семьи, которую не был способен прокормить тяжелобольной отец и, вероятно, от которого он и сам заразился туберкулезом. Лучано практически являлся калекой и все же превозмог телесный недуг настолько, что сделался наводящим на всех ужас страшным киллером, работавшим на семью Корлеоне. Человек без предрассудков, уничтоживший своего босса Микеле Наварру, занял его место и развязал одну из самых кровавых войн между кланами.

Кроме того, мафия имеет свой высший орган, носящий название «Капитул», целью которого является урегулирование сложных отношений между отдельными кланами. Члены Капи-

тула избираются один раз в три года, и каждый из них представляет интересы какой-либо конкретной семьи.

Если «человек чести» попадал в тюрьму, то подобное обстоятельство расценивалось как катастрофа и глава клана был обязан не оставить его в беде. Ни он, ни его близкие не должны были пострадать прежде всего в материальном отношении. Что касается размеров компенсации, то здесь твердых правил никогда не существовало и каждый дон решал эту проблему исходя из собственных установок. Точно так же глава семьи брал на себя обеспечение семьи раненого бойца или же достигшего преклонных лет и не имеющего возможности зарабатывать себе на жизнь. В то же время большинство «людей чести» обладали такими огромными доходами, что в компенсации по большей части не нуждались. Например, в 1980-е годы на Сицилии нередко можно было увидеть члена мафии, забирающего в банке наличными до 2 миллионов долларов, переведенных на его счет, как правило, швейцарским банком, реже – другим, но тоже иностранным.

Кто не молчит, тот умрет – это положение давно принято в мафии. Это на самом деле настоящий мир молчания. К тому же все записанные на бумаге слова, касающиеся мафии, не стоят ничего, потому что ни о чем не говорят. Здесь не существует списков и расходных книг, уставных документов, однако произнесенное слово имеет настоящий вес. В семьях правила поведения передаются устно, но запоминаются навсегда, и это доказывает, что иной раз слово может иметь гораздо больший вес, нежели какое-либо уложение.

Но и слова у «людей чести» совершенно особые, непонятные тем, кто не входит в семью. Язык их таинственен, полон идиом и диалектных особенностей. Они часто разговаривают своего рода полуфразами, исполненными непонятных намеков, которые крепко цементируют каждый особый семейный круг.

Но если возможно, то мафиози вообще не пользуются словами и все же передают при этом друг другу максимум информации. Значение имеет буквально все: легкая полуулыбка, неприметный жест, определенный наклон головы, быстрый, но многозначительный взгляд. Так, известен случай, когда итальянская полиция арестовала двоих членов мафии, найдя в их автомобиле пистолет. Однако, пока полицейские занимались обыском, эти двое успели обменяться всего лишь взглядами и договориться таким образом: один возьмет всю вину на себя, в то время как другой станет говорить, что ничего не знал о хранящемся в бардачке машины пистолете. Вообще «люди чести» практически не разговаривают, когда рядом с ними находятся полицейские, а если и произносят слова, то самые обычные, из которых даже изощренный сыщик при всем желании не смог бы сделать никакого вывода.

В обществе главы кланов пользовались невероятным авторитетом. Например, глава клана Монреале дон Витторио Галэ, солидный человек благородной и приятной внешности, всегда безукоризненно одетый, отправлялся каждое утро по своим делам в общественном транспорте, и каждый пассажир считал для себя честью уступить ему место, хотя всем было известно: за плечами этого благородного господина, как минимум, 39 убийств. Тем не менее даже архиепископ города не мог похвастаться подобным уважением, проявляемым к нему прихожанами.

Между прочим, известно много священников, которые по доброй воле или вынужденно сотрудничали с мафией. Так было и на Сицилии, и в Колумбии. Они могли вести переговоры об уплате выкупа за похищенных либо обслуживали кладбища, получая за это деньги. Только в 1982 году палермский кардинал решился отслужить антимафиозную мессу в связи с убийством супругов Далла Кьеза, которое потрясло все итальянское общество. Что же касается папы, то Иоанн Павел II также не мог оставаться в стороне: он осудил убийства как таковые, но не решился при этом даже произнести слово «мафия».

Большинство священников призывали зарвавшихся преступников стать на путь покаяния, говоря, что двери церкви остаются открытыми для всех: к 1990-м годам новая волна преступности, захватившая даже подростков, никого уже не могла оставить равнодушным.

Тем более что в эти годы, отмеченные небывалым взлетом криминальных группировок во всем мире, не раз вспыхивали войны между отдельными кланами, в которых пощады не было никому, даже 12-летним детям. Итальянский священник Пино Пульизи в одной из своих проповедей пытался выявить причину преступности, видя ее прежде всего в низком социальном развитии общества. Взывая к властям, он говорил: «Многие подростки избегают обязательного школьного образования и выбирают своей учительницей улицу. Они становятся жертвами волны насилия, спастись от которой очень трудно». К несчастью, это был глас вопиющего в пустыне. В 1993 году Пульизи был убит.

Давно известны прочные связи сицилийской и американской мафий, существующие с начала XX века. (Видимо, это явление универсально, поскольку в настоящее время связи мафиозных кланов преодолевают границы между государствами). Американский журналист Эд Рейд утверждал, что в США мафия была «экспортирована» с Сицилии, и невероятно удивлялся, как явление, присущее отсталому обществу, так широко распространилось в стране развитого капитализма. На самом же деле вывод довольно прост. Мафия обладает высочайшей степенью живучести и приспособляемости, тем более что и ведет она себя, словно копируя до мельчайших деталей систему капиталистических отношений, правда с одним различием. Если капитализм прежде всего производит, хотя по большей части волчьими методами, то мафия не производит ничего, исключая наркотики.

Международные связи мафии в настоящее время крепки как никогда. Триумфальное шествие мафиозных кланов началось по окончании Второй мировой войны, невероятно укрепилось в 1990-е годы благодаря присоединению к ним латиноамериканских и российских криминальных группировок. Теперь с одного конца планеты на другой перекачиваются поистине фантастические суммы денег, принадлежащих мафии. Интересы кланов постоянно пересекаются, а значит, у них просто не существует иного выхода, как стать своего рода транснациональной корпорацией.

Глава 1.

«Вы – наши братья...У ваших семей может быть совсем другая жизнь». Итальянская мафия

Сицилийская мафия одной из первых доказала, до какой степени недееспособным может оказаться государство и закон и как правительственные структуры могут оказаться по сути сообщниками криминальных групп. Ярким примером тому служит жизнь знаменитого Вито Геновезе, ставшего героем мирового бестселлера Марио Пьюзо «Крестный отец», где он выведен под именем Вито Корлеоне.

Этот человек, сицилиец, находился в своем родном городе, когда его попытались арестовать за убийство, совершенное в Америке. Один из особо рьяных полицейских, воспользовавшись поддержкой англичан, пытался арестовать его, причем обнаружил при аресте Геновезе рекомендательные письма, и в каждом говорилось, что этот всем известный мафиози «глубоко порядочный, достойный доверия, лояльный, которого можно использовать для любой работы». Так что получалось – полицейский глубоко неправ, в чем вскоре и убедился. Арестовав «человека чести», он был вынужден полгода просто таскать его повсюду за собой, поскольку ни итальянские, ни американские власти не выказывали желания отправить «крестного отца» за решетку. Тем временем свидетели обвинения в американских тюрьмах умирали загадочным образом, а полицейский так и не смог исполнить свой долг: закон обязал его освободить порядочного человека Вито Геновезе...

Кадр из фильма «Крестный отец»

Томмазо Бускетта. «Человек чести» в полном смысле слова.

Тюрьма Уччардоне в Палермо выглядела устрашающе: три ее грязных высоких блока высились между бетонной автострадой и кучкой обшарпанных нищих домишек, где проживали те, кто был не в состоянии позволить себе лучшее жилье. Тюрьма ничуть не изменилась за последние сто лет; разве что окончательно разрушилась статуя Мадонны, когда-то стоявшая посреди тюремного двора, а теперь валявшаяся на нем обломками, которые никому и в голову не приходило убрать.

В 1972 году здесь находилось немногим более тысячи заключенных, которых без труда можно было поделить на две группы. Первая, относившаяся к тем, кого герой Леонардо Шаши называл «полулюдьми», состояла из неграмотных опустившихся преступников. Их действительно не считали за людей и обращались соответственно. Они содержались в камерах, рассчитанных на двоих, но, однако же, вмещавших порой до 6 человек. Но, как считали тюремщики, «полулюди» большего и не достойны. Вторая же группа, достаточно малочисленная, сохраняла все человеческие права и претендовала на уважение и удобства, которые им и предлагали в той мере, что может предоставить тюрьма.

Достойные люди содержались в одиночных камерах, имели собственных секретарей, которые одновременно исполняли обязанности телохранителей и, помимо этого, тщательно следили, чтобы белье на постелях заключенных содержалось в идеальной чистоте, а еда доставлялась отнюдь не с тюремной кухни, а из лучших городских ресторанов.

Ко второй категории заключенных относился и 40-летний человек, в движениях которого чувствовалась уверенность в себе, – Томмазо Бускетта. В чертах его бронзового от загара лица было нечто неуловимо индейское: резкие и властные очертания, несколько грубый нос – следствие неудачных действий потрудившегося над ним в Америке хирурга-косметолога. На всех он производил впечатление человека преуспевающего и добившегося в жизни многого. Этот имидж поддерживал и сам Бускетта, приговоренный к 10 годам заключения. Он отродясь не обладал отменным вкусом в выборе одежды: носил чрезмерно яркие сорочки, на которых, однако, неизменно красовалась его монограмма. Никто не сказал бы, что и излюбленные им джинсы всегда сидели на нем как влитые, однако этот недостаток с лихвой искупался торговыми марками, свидетельствующими, что созданы они лучшими модельерами.

Томмазо Бускетта в тюремной камере

Этот заключенный предусматривал каждую мелочь: мыло, зубная паста, не говоря уже о лосьоне после бритья или туалетной воде, были неизменно высшего качества. При этом Бускетта не привык до конца использовать туалетные принадлежности и, опустошив тот или иной флакон едва ли до половины, небрежно передавал его другому заключенному, рангом пониже. А зачем ему следовало об этом заботиться, если немедленно после исчезновения очередного флакона невидимая рука ставила на опустевшее место точно такой же?

Его и уважали, и боялись, причем вовсе не из-за его по-королевски широких жестов. Все знали: Бускетта заключен в тюрьму из-за его принадлежности к мафии. «Это просто миф, будто я жесток и опасен, – безразлично говорил Бускетта. – Люди чувствуют и боятся гордого и независимого характера. Только поэтому на меня смотрели с опаской и заключенные, и полицейские. Но самое удивительное: чем спокойнее и увереннее в себе я держался, тем больше меня боялись. Что ж, сдержанность часто принимается за демонстрацию могущества, которую к тому же подкреплял миф о моих многочисленных преступлениях, большинства из которых на самом деле я не совершал. Я даже не пытался никогда настаивать на собственной невинности: мне все равно никто не верил».

Бускетта словно иллюстрировал притчу о курах Малербы. Он утверждал, что мафии не существует и уж он-то точно к ней не принадлежит, а все понимали как раз обратное: он опасный мафиози.

И не так уж были недогадливы «куры-полулюди»: вся жизнь Бускетты была связана с мафией Палермо. Он родился в почтенной семье, но уже с юных лет понял, что работа честного стекольщика, каковым являлся его отец, – не его стезя. Его неудержимо притягивала улица и сомнительные компании, где он мог почувствовать себя настоящим мужчиной. Родители пытались бороться с такими наклонностями сына, но натолкнулись на глухую стену отчуждения. Томмазо предпочел порвать с ними навсегда, но не жить так, как они, считая каждую копейку.

Свой жизненный путь Бускетта выбрал окончательно и бесповоротно, когда его, 22-летнего молодого человека, наконец приняли в одну из наиболее крупных семей – Порту Нуову. Таким образом, его мафиозный стаж исчислялся не одним десятилетием. День своего посвящения, состоявшийся в 1948 году, Томмазо запомнил на всю жизнь.

В то время в мафии еще сохранялся старинный церемониал посвящения, который проводился в одном из кварталов, контролируемых кланом Порты Нуова. Томмазо ужасно волновался, в то время как два его свидетеля, напротив, выглядели совершенно невозмутимыми: для них проникновенные речи посвящающего были не в новинку. Почти как во времена древнего Средневековья, посвящающий говорил о том, как важно их братство, ибо цель его благородна – уничтожение социальной несправедливости, защита всех слабых и обездоленных. Далее Бускетту спросили, готов ли он отдать жизнь на борьбу с несправедливостью? Еще бы, конечно, он был согласен всей душой.

Когда прозвучал утвердительный ответ новичка, к нему приблизился один из свидетелей и, взяв его за руку, уколол палец колючкой апельсинового дерева. Кровь брызнула из пальца Томмазо на образок Мадонны, который свидетель немедленно поджег, в то время как новичок, опасаясь обжечься, перекидывал испачканную кровью иконку из руки в руку, произнося чуть дрожащим голосом заученную клятву: «Пусть моя плоть сгорит так же, как этот священный образ, если я когда-нибудь нарушу мою клятву».

Томмазо помнит, что в тот момент он больше всего боялся, что посвящающий сразу же поцелует его в губы. Этот «поцелуй смерти» пугал его, как ничто другое. Однако ему повезло, и, вместо того чтобы немедленно приступить к испытаниям неопита на прочность, ему объ-

яснили, что теперь он принадлежит к могущественной организации – «Коза Ностра», которая по сути представляет собой жесткое тоталитарное государство, ветвящееся, подобно щупальцам спрута, по всему миру, а количество «граждан» этого невидимого государства исчисляется десятками тысяч. Растолковали ему и что такое семья, что действие ее распространяется на конкретные территории, в большинстве своем представляющие собой небольшие населенные пункты, и название одного из таких пунктов становится наименованием этого клана.

В тот день узнал Бускетта и об иерархии внутри семьи, во главе которой стоит капо, которому положено иметь не более трех заместителей, которых он избирает по своему усмотрению. Далее идут командиры отрядов, командующие бойцами.

После того как Томмазо получил представление о том, членом какой организации он только что стал, его привели в другую комнату, где новичка дожидался сын капо Сальваторе Филиппоне, на которого была возложена обязанность провести церемонию представления.

Первые годы пребывания в семье Бускетта вспоминал с какой-то трогательной ностальгией. На него произвел необычайное впечатление глава Порты Нуовы – Гаэтано Филиппоне, которого самые близкие друзья за глаза прозвали «человек-брюхо». На самом же деле он был просто величественен, этот 70-летний старик, прекрасно осознающий безграничность собственной власти. Он так никогда и не воспользовался своим преимуществом – иметь личный автомобиль и охранников. Он никого и ничего не боялся, а потому передвигался по Палермо в городском транспорте, вероятно ощущая себя в эти минуты феодалом в собственной вотчине. Что же касается его заместителей, то Томмазо буквально преклонялся перед ними, поскольку больше никогда в жизни он не встречал подобной утонченности и врожденного благородства. Как они не походили на жуликов, с которыми постоянно приходилось иметь дело Бускетте!

Семья Порты Нуова действительно отличалась патриархальностью и крайней разборчивостью, когда дело доходило до приема новичков. В результате в ее состав входило не более 20 человек, и по сравнению с прочими криминальными семьями Порты Нуова на первый взгляд казалась буквально бедной родственницей.

Однако положение представлялось таковым исключительно с первого взгляда. С Порты Нуовой на самом деле было связано множество людей, хотя и не прошедших обряда инициации, но так или иначе помогающих клану. Порой они облегчали проведение той или иной операции, в то время как сами и понятия не имели, что именно делали. Вероятно, в этом сказывалась мудрость и дальновидность главы семейства – Гаэтано Филиппоне. Когда Бускетта увидел все это своими глазами, он понял, на чем зиждется могущество и непобедимость мафии. «Вероятно, это и значит – проницаемость», – сделал он для себя вывод.

Вскоре, впервые оказавшись в тюрьме Уччардоне, Томмазо Бускетта познакомился и подружился с человеком, благодаря которому вся его жизнь приобрела совсем иное направление, изменилась так круто, что он даже и представить себе этого не мог. Этим человеком оказался 20-летний Стефано Бонтате, сын одного из крупных итальянских мафиози, а ныне сам глава семьи Санта-Мария ди Джезу. Его отец, серьезно больной диабетом, больше не мог исполнять свои обязанности, и на совете клана было единогласно решено, что самым мудрым и надежным преемником старого Бонтате станет его сын. Тот и вправду был заботливым сыном и преданным братом (тот также унаследовал диабет, вследствие которого ослеп, хотя болезнь и не мешала ему торговать героином).

Стефано Бонтате трогательно заботился о больных родственниках и, кажется, оказался отличным другом, а это последнее качество в глазах Бускетты являлось очень ценным, ибо истинная дружба крайне редка, и Томмазо полагал, что умеет ее ценить. Стефано уверял Томмазо, что считает честью для себя помочь ему, он ни в чем и никогда не смог бы отказать своему другу. Его бескорыстие казалось безграничным. Так, когда дочь Томмазо решила выйти замуж, отец немедленно обратился за помощью к Стефано, поскольку тот, помимо прочего, владел несколькими магазинами готового платья. Дочь Бускетты явилась в магазин и, обратив-

шись к управляющему, назвала только имя своего отца. Этого оказалось достаточно, чтобы через минуту она получила роскошный наряд, стоивший, как минимум, 1000 долларов. Таких денег на свадебное платье девушка никогда не нашла бы при всем желании.

Думается, что восхищение, которое Бонтате испытывал к своему другу, было действительно искренним. Он знал, что большинство других уважаемых «людей чести» так же, как и он, относятся к этому человеку из Порта Нуовы. Немногие смогли, подобно Бускетте, так быстро взлететь по иерархической лестнице. Придя в мафию в 22-летнем возрасте, через три года Томмазо уже был командиром отряда с безупречной репутацией. Полиция пристально наблюдала за ним не менее 10 лет, однако Томмазо так хорошо умел прятать концы в воду, что его трудно было хоть в чем-то уличить. Правда, при большом желании ему можно было бы приписать какие-то мелкие незаконные сделки, однако ни на чем серьезном он не попадался. Почти ни для кого не являлось секретом, что за ним числится два убийства, однако как это доказать? Доказательств виновности у «сбиров», как мафиози называли полицейских, просто не существовало.

Бускетта запросто общался с главой клана Чакулли Сальваторе Греко и даже с самим главой Капитула, был близок к живой легенде – Луиджи Лучано, или Счастливику Лучано, от которого так лихорадило весь Нью-Йорк во времена сухого закона. Лаки Лучано в 1950-х годах решил обосноваться в Неаполе, где успешно занимался контрабандой наркотиков и сигарет. Встречаясь с Бускеттой и с удовольствием беседуя с ним, Счастливчик много рассказывал ему об организации американской мафии, ее сходстве и различии с сицилийской. Оказалось, что сходства между криминальными организациями разных континентов гораздо больше, нежели различий. На Сицилии кланов было несколько десятков, и порой схватки между ними вспыхивали из-за какого-нибудь несчастного клочка земли, тогда как в огромном Нью-Йорке существовало всего-навсего пять группировок. Что же касалось прочих крупных американских городов, то контроль в них осуществляла всего одна группировка.

И все же одно большое различие Лучано подметил и не преминул его немедленно исправить. Американская мафия, как и всякое государство, имела собственное правительство, благодаря которому могли решаться многие спорные вопросы. На Сицилии же этого не было. Счастливчик приложил все силы к тому, чтобы итальянские мафиози призадумались, и вскоре по его инициативе в 1960-х годах и это различие было устранено.

И надо же – словно по иронии судьбы – едва правительство сицилийской «Коза Ностры» вступило в свои права, как в Неаполе началась первая крупная война между разными кланами, в результате которой кровь на улицах города проливалась в течение трех лет.

О причинах этой войны можно было только догадываться, однако, по наиболее приемлемой версии, ею стал груз наркотиков, предназначенный для американцев и разворованный итальянцами. Но Томмазо Бускетта имел свое мнение по поводу причин этой ужасной войны. Он видел, что каждый раз заседания Капитула проходят все более возбужденно. Он видел, как рвутся к власти молодые волки, недовольные засильем стариков в кланах. Они хотели перемен, они жаждали большей свободы, им были тесны рамки патриархальных отношений в тех формах мафии, которые существовали на тот момент.

Одним словом, не хватало всего лишь небольшого толчка, чтобы уже взведенные курки начали действовать, и таким толчком, по словам Бускетты, стал такой невинный факт, как любовь в недрах мафии на манер Шекспира. Дело в том, что юный боец из Порта Нуовы, Ансельмо Розарио, всерьез влюбился в сестру Рафаэле Спины, имевшего солидный иерархический статус в семье Ноче. Как и подобает честному человеку, он сделал предложение девушке, однако ее брат решительно воспротивился подобному союзу. «Моя сестра никогда в жизни не выйдет замуж за человека столь низкого происхождения», – заявил он.

Семья Порта Нуова не смогла оставаться в стороне, когда речь шла о счастье двух влюбленных, и немедленно собрала совет. «Ансельмо, – сказали юному бойцу, – будь мужчиной, и,

если родственники твоей любимой не согласны на брак, ты вправе похитить ее и обвенчаться на любом из тихих островов около Сицилии». Возможно, этот совет дал сам Бускетта, но против подобной идеи не высказался никто.

Молодой и горячий Ансельмо не стал долго раздумывать, тем более что и сам уже был готов на все, а получив благословение свыше, решил, что дело не стоит откладывать в долгий ящик, и вскоре стал женатым человеком, как и подсказали ему товарищи. Рафаэле Спина в глубине души метал громы и молнии, но виду не подавал. Его вроде бы даже вынудили признать этот брак, который «человек чести» Ноче упрямо считал мезальянсом. Он затаился на время, но поклялся, что еще скажет свое слово в этом деле, поскольку с его мнением не посчитались, а значит, оскорбили его достоинство, его семью, что для любого сицилийца непростительно.

Спина понимал, что не может действовать в открытую и просто убрать неугодного ему мужа сестры: Порта Нуова немедленно развернула бы настоящие боевые действия против Ноче. А что если поступить иначе и на правах нового родственника забрать Ансельмо под свое начало? Это казалось гораздо остроумнее, и Рафаэле Спина отправился к Кальчедонио де Пиза, главе клана Ноче, подробно изложив ему свои обиды и просьбы. Де Пиза не мог остаться равнодушным к обиде, нанесенной его подчиненному, и на первом же заседании Капитула потребовал, чтобы Ансельмо перешел в подчинение Ноче, соответственно оставив свой дом в районе, контролируемом Порта Нуовой. Известно, что решение Капитула – закон, и боец Порта Нуовы был вынужден обосноваться в пригороде Ноче.

Теперь уже Порта Нуова чувствовала себя оскорбленной: еще бы, ведь при посвящении судьба Ансельмо уже была predetermined, и это закон, а теперь его заставили сменить семью, а это почти то же самое, что сменить родителей, – вещь дикая и совершенно неприемлемая. Кстати, и Сальваторе Лабарбера, представлявший собой главу Капитула, дал понять, что вполне согласен с Порта Нуовой, но что он мог поделать, если против него стояло большинство?

И что можно было возразить в ответ Кальчедонио де Пиза: ведь тот тоже говорил о кровных связях, которые должны стоять превыше всего. Однако глава Ноче поступил немного опрометчиво. Вскоре, по своему обыкновению направляясь к табачному киоску на площади Кампо Реале в Палермо, он увидел на городской площади молодого человека с охотничьим ружьем, который даже и не думал скрываться. Он стоял и спокойно ждал приближающегося к нему самоуверенной походкой капо, а когда тот оказался на расстоянии, наиболее удобном для выстрела, вскинул ружье и, почти не целясь, нажал на курок. Кальчедонио де Пиза рухнул на мостовую с простреленной головой, а убийца спокойно удалился с видом исполнившего свой долг человека. Никому из проходящих мимо даже в голову не пришло не только остановить его, но даже сообщить в полицию об убийстве.

«Закон омерта» действовал в Палермо безукоризненно. Убийца так и остался неизвестным, свидетелей не было, или они ничего не помнили. «Это был молодой человек без особых примет, – говорили они в полиции. – На улицах таких можно встретить тысячи».

Естественно, что семья Ноче немедленно предъявила претензии Порта Нуове. По их мнению, только они могли желать смерти их капо, чувствуя себя обиженными за то, что у них так бесцеремонно отобрали бойца. Бускетта утверждал, что к убийству ни он, ни кто-либо из его клана или даже союзников непричастны, но ему отчего-то никто не верил. «У Кальчедонио было много недоброжелателей, – говорил он. – Наверняка заказчиком был кто-то в самом Капитуле, тот, кто был заинтересован совершенно отстранить Ноче от дел». И все же дело принимало все более серьезный оборот, а оправдываться, похоже, не имело смысла, поскольку, казалось, кто-то уже все решил заранее и захотел одним ударом убрать как Ноче, так и Порта Нуову.

Впервые Бускетта чувствовал, что ничего не сможет изменить. Вновь пришлось собирать экстренное заседание Капитула. И не то, чтобы члены Капитула напрямую обвиняли Порта

Нуову в убийстве главы Ноче, нет, из них никто вроде бы не был виноват, однако появились сведения, что произошедшее – дело рук союзников этого клана, семьи Палермо-Чентре. Назвали и имя того, кто, по-видимому, являлся организатором: глава Палермо-Чентре Анджело Лабарбера, молодой человек, известный своей непримиримостью и беспощадностью по отношению к тем, кого считал врагами. Анджело действительно находился в близких отношениях с Порта Нуовой и воспринимал проблемы этой семьи как свои собственные.

Естественно, что «братья» Анджело из Порта Нуовы взволновались не на шутку и оказались правы. Заседания Капитула все больше стали напоминать судебный процесс. В числе прочих обвиняемых прозвучало наконец имя Гаэтано Филиппоне, внука главы Порта Нуовы и полного тезки своего высокопоставленного мафиозного родственника. Дед немедленно вступился за внука, поставив на карту свое слово, а значит, саму честь, убеждая Капитул, что Гаэтано в деле об убийстве главы Ноче не замешан, но его никто не слушал. Напротив, были вынесены суровые санкции против Порта Нуовы, а именно – распустить ее. В тот день Томмазо Бускетта понял: кланы Палермо стоят на пороге большой войны и, пожалуй, в сложившейся ситуации лучше скрыться или подать в отставку, иначе будет слишком поздно: он чувствовал нависшую смертельную опасность, как опытный хищник, всей кожей.

К счастью для него, вскоре Бускетте представилась возможность покинуть страну, ставшую для него опасной. Как ни странно, помогла ему полиция, которая, хотя на протяжении не одного десятка лет действовала либо робко, либо неумело, но все же решилась взяться за Бускетту, предъявив ему обвинение в давней контрабанде сигаретами, а заодно отобрав паспорт.

Последнее действие полиции Томмазо не понравилось больше всего. «Я – честный потомственный стекольщик, – нагло заявил он “собирам”. – Отобрав паспорт, вы не даете мне возможности честно зарабатывать на кусок хлеба». Ошеломленный полицейский все же нашел в себе силы поинтересоваться, зачем паспорт нужен во время резки стекла. «Меня не устраивает качество итальянского стекла, и мне приходится искать материал для работы в Бельгии и во Франции», – немедленно отпарировал Бускетта. Однако полицейский оказался на редкость упорным и паспорт не отдал. Это не удержало Бускетту от решения убраться за границу, но с тех пор он привык путешествовать под чужим именем, в чем, впрочем, вскоре обнаружил некоторые приятные преимущества.

Таким образом, о войне, обогрившей кровью улицы Палермо, Бускетта узнал, уже находясь далеко от этой горячей точки, в Мексике. Он услышал об исчезновении Сальваторе Лабарберы, главы Палермо-Чентре, того самого, который так рьяно отстаивал в Капитуле интересы Порта Нуовы. Этого представителя Капитула так и не нашли, и, хотя все знали, что произошло убийство, это преступление до сих пор осталось загадкой. В то же время Бускетта сделал вывод: Лабарбера был просто неугоден кому-то из верховных членов Капитула, поскольку ни одна группировка не решилась бы на такие жестокие меры: в этом случае все ее члены немедленно попали бы под удар и не было бы пощады никому. Видимо, речь шла о переделе мафиозной власти.

Смерть Лабарберы стала сигналом к тому, чтобы на весь клан обрушились чудовищные репрессии. Пожалуй, больше других повезло Анджело Лабарбере. Он попал в засаду, находясь вдали от своих «братьев», на другом конце Италии, но взять его было не так просто. Анджело являлся профессионалом и только поэтому остался жив, но получил тяжелое ранение. В то же время его люди в Палермо в течение нескольких месяцев были методично перебиты. В живых не осталось никого из клана Палермо-Чентре.

Пострадали в том числе и члены Капитула, принадлежавшие к этой семье, причем очень влиятельные. Так, баснословно разбогатевший на контрабанде с Америкой Чезаре Манцелла, державший в страхе все западное побережье Палермо, однажды утром, выйдя из своего владения в Чинизи, сел в автомобиль, после чего взрывом его буквально разнесло на куски. Таким же образом собирались убрать и Сальваторе Греко по прозвищу Пташка, но ему, генеральному

секретарю Капитула, просто крупно повезло. Еще один секретарь Капитула, узнав о подобных историях, всерьез начал опасаться за свою жизнь – настолько, что обратился к помощи полиции. Он попросил осмотреть его автомобиль. Карабинеры прибыли на место, действительно нашли взрывчатку и успокоились было, полагая, что с честью выполнили свою обязанность, но в этот момент грянул взрыв. Наверное, этим несчастным семерым карабинерам не хватило профессионализма. Они не сумели предусмотреть возможных ловушек и заплатили за это собственными жизнями.

Тем временем Бускетта переезжал из Америки в Канаду и из Колумбии в Бразилию. Он успел завести прочные связи с контрабандистами самого разного калибра, но, видимо, главным образом крупными. Он пользовался славой «кокаинового князя», о чем знали американские власти, не раз пытавшиеся задержать его, но, как и прежде, Томмазо, как профессионал высочайшего класса, не оставлял улик. Лишь в 1970 году бразильская полиция сумела арестовать его и выдать Италии за мелкие преступления, которые числились за ним еще с 1950-х годов.

В Уччардоне Бускетта узнал, что, по слухам, его вторично лишили звания «человека чести». Первый раз это произошло, когда Капитул распустил Порта Нуову, теперь же Томмазо обвиняли в нарушении мафиозного закона. Дело в том, что разводы в Италии были разрешены только в 1970-е годы, тогда как Томмазо успел жениться несколько раз, а это было серьезным нарушением в глазах «Коза Ностры».

Что делать? Томмазо действительно любил женщин. Впервые он женился в 27 лет, прожил несколько лет в мире и согласии с супругой, после чего решил: сеньора Мелькьорра – замечательная женщина и хорошая мать для его четверых детей, но ему этого мало.

Переехав в Америку под чужим именем, Томмазо женился на очаровательной Вере Джиротти. Правда, об оставленной семье он тоже не забыл: перевез и Мелькьорру, и детей в США, чтобы иметь возможность помогать им материально, но отказавшись при этом делить с ними кров. Оказавшись в Бразилии и вновь под чужим именем, Томмазо женился снова, теперь уже на Кристине Джимарес.

Попав в Италию, он был вынужден распутывать семейный клубок, ставший уже притчей во языцех, и решил проблему следующим образом: развелся с Мелькьоррой и официально, уже под собственным именем женился на Кристине. Быть может, он полагал, что Бог троицу любит и при этом третье – всегда оптимальный вариант, как в сказке, но уже это ярко свидетельствовало о том, что Бускетта относится к тем людям, что хотят и умеют пользоваться всеми прелестями жизни.

Неужели же за это Томмазо заслужил официальную отставку? Он не хотел в это поверить, тем более что большинство «людей чести», отбывавших срок в Уччардоне, общались с ним по-прежнему. В то же время, если бы свидетельство об отставке оказалось правдой, к нему были бы обязаны относиться как к изгою. Впрочем, при желании подобное отношение к отставленному могли выражать люди просто смелые по своей сути. Итак, большинство мафиози считали за честь быть представленными Томмазо, и только двое отказались это сделать. Самое обидное, что эти двое принадлежали к родной семье Бускетты – Порта Нуове.

Это очень обеспокоило Томмазо, тем более что глава клана не спешил принять участие в его судьбе: не искал хорошего адвоката, не заводил речи и о денежной компенсации, положенной в этом случае «человеку чести», оказавшемуся в заключении. Когда Томмазо оставалось всего несколько месяцев до освобождения, глава клана Чинизи, по мнению Бускетты человек с отвратительными манерами, Гаэтано Бандаламенте, передал ему, что вопрос о его исключении из рядов «людей чести» действительно решался и за его отставку высказался сам новый глава семьи Порта Нуовы Пиппо Кало. Правда, добавил он, единого мнения на этот счет не было: голоса разделились примерно поровну.

Выслушав эту новость, Бускетта почувствовал себя униженным. Еще бы: ведь это он сам когда-то принимал в Порта Нуову Пиппо Кало, а теперь он, обязанный Томмазо очень многим и сделавший под его руководством свои первые шаги, а значит, обязанный хотя бы уважать его.

Вопрос требовал немедленного выяснения, и Бускетта, воспользовавшись многочисленными тайными каналами, потребовал от Пиппо Кало ответа. Тот заявил, что никогда даже не думал об исключении Томмазо. Что же касается Бандаламенте, то он откровенно назвал того грязным лжецом, или традждьятури.

Это было по-настоящему страшное слово в устах главы клана. Дело в том, что в среде мафиози четко установлено: то, что сказано в присутствии двух человек, – это правда. При этом он не обязан высказываться о подобных себе «людях чести», но уж если он это сделал при свидетелях, то подлежит наказанию. Традждьятури, как правило, получал смертный приговор.

Бускетта не знал, что и думать, – ведь когда получаешь какие-либо сведения от донора другого клана, недоразумений подчас не избежать. Единственное, что он понимал, – вокруг него происходили вещи совершенно непонятные. Его смутные подозрения укрепились, когда глава семьи Риези Джузеппе Ди Кристина сказал ему с глазу на глаз: «Вам нужно срочно навести порядок в делах. Вас очень много критикуют...»

В 1980 году Томмазо освободили, но обязали полицию Турина неотступно за ним следить. И за ним следили, нисколько не пытаясь даже маскироваться, постоянно спрашивали документы, добавляя при этом неизменную фразу: «Настоятельно советуем вам убираться из Турина, пока не поздно». Когда же возмущенный поведением «сборов» Томмазо обратился за помощью к людям, которые раньше никогда ему не отказывали в этом, те, воздев руки к небу, ответили: «Как же возможно запретить полиции делать то, что им положено?».

Томмазо ничего не оставалось, как вернуться в Турин в полной растерянности. Он так и не смог решить своих дел: он не знал, как относиться к своему дону Пиппо Кало, он понятия не имел, почему бывшие «братья» оказали ему подобный прием и как расценивать поведение этого грубого Бандаламенте. О безумной игре, которая велась в недрах Капитула и о которой он узнал значительно позже, потеряв буквально все и, главное, веру в правильность собственной жизни, Бускетта узнал немного позже...

Стефано Бонтате. Время предательства.

Стефано Бонтате по прозвищу Сокол с некоторой тоской смотрел на дорогу из окна своего автомобиля. Повсюду, куда бы он ни обратил взгляд, его встречал скудный и безрадостный сицилийский пейзаж: чахлые деревья и пыльные безлюдные дороги, по которым он вынужден был регулярно ездить вот уже в течение трех лет. Никакого удовольствия от путешествия Стефано не испытывал, да и не мог испытывать, тем более что по мере приближения к поселку Чакулли чувство внутреннего напряжения непроизвольно в нем нарастало. Он миновал развалины старой церквушки, когда-то претендовавшей на стиль барокко, с отвращением посмотрел на неизменную рекламу спагетти, конечно же, как всегда, лучших в мире, проехал мимо заброшенной станции техобслуживания и наконец попал на такую знакомую дорогу. До Чакулли оставалось чуть больше пяти километров.

Стефано было прекрасно известно, что в этом захудалом на вид поселке практически никто из посторонних людей не останавливается. Даже на картах этот населенный пункт никак не обозначен; да и зачем, если здесь проживает не более тысячи человек, а неказистые домишки скрываются от случайных взглядов при вечно закрытых вылинявшими от солнца ставнями; если здесь невозможно увидеть ни одного магазина (все необходимое для жизни жители поселка получают от торговцев, распродающих свои товары прямо из автомобилей).

Стефано по доброй воле ни за что не стал бы со столь завидной регулярностью посещать подобное место, контролируемое одной из самых жестоких мафиозных кланов, если бы здесь не обосновался глава клана Чакулли и генеральный секретарь Капитула Микеле Греко. Его владения скрывались под скромной надписью «Земельное владение Фаварелла».

Стефано миновал дорогу, на которой едва ли могли разъехаться два автомобиля, мимо высоких и пыльных бетонных стен, за которыми виднелась сочная зелень лимонных и апельсиновых деревьев, пересек проселочную дорогу по направлению к массивным воротам и оставил машину неподалеку от обычного дома, единственным украшением которого являлся портик с золотыми инициалами «М. Г.».

Его не интересовало обширное стрельбище, устроенное хозяином, который был большим любителем пострелять и даже какое-то время являлся членом сборной Италии по стрельбе. Он никогда не заходил в лабораторию, где производился героин, так надежно спрятанную среди лимонных плантаций. И уж тем более Стефано никогда не принимал участия в роскошных банкетах, которые так часто любил устраивать хозяин поместья для «людей чести».

Конечно, он знал, что члены Капитула на подобных банкетах – частые гости. Им это было очень удобно, так как путь от Чакулли до Палермо занимал всего каких-нибудь 10 минут, а полиции отчего-то даже в голову не приходило проверять благополучное земельное владение, хозяина которого, по официальной версии, интересовали исключительно лимоны и апельсины. Неужели у него так часто собирались такие же любители цитрусовых на своих неизменных БМВ – излюбленном средстве передвижения «людей чести», для которых этот автомобиль, пока еще не бронированный, сделался своеобразной визитной карточкой?

Дом генерального секретаря Капитула по внутреннему убранству на первый взгляд казался весьма скромным, выдавая склонность хозяина к античному стилю. Пожалуй, исключением могла считаться только ванная комната, отделанная с не-обыкновенной роскошью. Комнаты же были столь небольшого размера, что невозможно было даже представить, чтобы здесь хоть где-нибудь мог собраться Капитул в полном составе, и все же это происходило.

Дело в том, что в одной из стен жилища находился тайник. Стоило отодвинуть в сторону керамическую плитку, как за ней открывался проход, достаточно большой, чтобы в него мог

пройти человек солидной комплекции. Этот проход вел на темную лестницу, сделанную из неотесанного камня, и спускаться по ней приходилось, только освещая себе дорогу фонариком.

Спустившись по ступеням лестницы, гости попадали в коридор, спускавшийся вниз и приводивший непосредственно в огромный зал. По своим размерам этот зал был больше, чем все комнаты дома, даже если бы кому-то пришло в голову их объединить. Солнечный свет проникал в этот зал сквозь щели, в которые можно было увидеть хозяйские плантации, вечером освещался факелами.

Здесь определялась политика всех мафиозных кланов Палермо, сюда прибывали высокопоставленные гости. Здесь нередко бывал и Стефано Бонтате. Хозяин сделал все возможное, чтобы обезопасить своих гостей от неожиданного вмешательства полиции, даже несмотря на то что подобные инциденты пока не имели места. От зала, расположенного под жилищем Микеле Греко и устроенного в древнем каменном карьере, расходилось множество извитых переходов и тайных ходов, при помощи которых можно было спокойно уйти при визите нежданных гостей. Кроме того, большинство ходов вели в небольшие каморки, предназначенные для укрывательства от полиции бойцов «Коза Ностры». В этих комнатенках на полу в беспорядке валялись матрацы, а стены усеивали огарки свечей.

Самое интересное: генеральный секретарь Капитула вообще не жил в этом доме: у него было несколько отличных вилл, также надежно скрытых от посторонних глаз яркой зеленью лимонных деревьев. Этот невысокий человек не боялся никого и ничего, абсолютно уверенный в собственной безнаказанности. Свои владения он озирает как король и считал, что имеет на это полное право. И на самом деле, в среде мафиози Микеле Греко считался потомком знатной семьи. Его двоюродным братом был знаменитый Сальваторе Греко (Пташка), заправлявший делами сицилийских кланов в 1960-е годы, но о своем родственнике Микеле Греко предпочитал вовсе не упоминать.

Он являлся по натуре диктатором и установил в мафии такие жесткие правила, что пребывал в полной уверенности: никто из работающих на него никогда не решится вслух произнести его имя, особенно в полиции, подобное преступление каралось смертью. Микеле Греко со страхом и уважением называли Папой. Впрочем, что касалось Сокола – Стефано – то он подобного не испытывал, поскольку обладал способностью думать и к тому же он был единственный, кто открыто противоречил всемогущему Папе. А дело было в том, что Стефано первым заметил, что после прихода к власти Папы дела его клана – Санта-Мария ди Джезу – идут совсем по-другому, и причиной была отнюдь не неприязнь нового главы Капитула лично к Бонтате. Он собирался, по мнению Стефано, устроить переворот в мафиозном государстве, он чувствовал, что находится на пороге того времени, когда принципы, которым он привык следовать всю жизнь, будут извращены Папой до неузнаваемости.

Вероятно, именно поэтому Микеле Греко и не любил, когда при нем упоминали имя его родственника – Сальваторе Греко – Пташки. Стефано, со своей стороны, преклонялся перед этим человеком и всегда считал себя его духовным наследником. Он не был лично знаком с Пташкой, но, находясь в тюрьме вместе с Томмазо Бускеттой, просил того как можно больше рассказывать ему о Сальваторе: ведь Томмазо был очень близок к Пташке. По крайней мере больше никому Сальваторе Греко не открывал свою душу; он сделал подобное исключение только для Бускетты, хотя тот и был в 1960-е годы обычным бойцом.

Стефано больше всего беспокоил вопрос, почему в начале 1960-х годов вспыхнула первая кровавая война между представителями мафиозных кланов, и Томмазо ответил ему на это: «Пташка бросил все, потому что понимал: он ничего не сможет изменить в сложившейся ситуации. Начался не просто передел власти: из “людей чести” стали делать обыкновенных преступников. Воспитанный в патриархальных традициях строгой морали, Пташка не хотел видеть, во что превращается организация, в которую он вложил столько сил, и потому решил оставить все дела и исчезнуть. А что ему оставалось делать?».

«Что же можно считать началом кризиса?» – продолжал спрашивать Стефано, и тогда Томмазо рассказал ему все, что знал. Все началось с преступления, равного которому до той поры мафия просто не знала. Лучано Леджо, член клана Корлеоне, не скрываясь ни от кого, убил собственного дона – злобного, грубого и властного Микеле Наварру. Естественно, что Капитул не мог оставаться в стороне, и Сальваторе Греко немедленно вызвал к себе Леджо, потребовав от того объяснений.

Леджо держался с исключительной наглостью. Он заявил, что имел на то причины личного характера, однако его правоту может подтвердить некий мафиози. «Тогда пусть он подтвердит это передо мной», – мрачно произнес Пташка. Однако этот некий мафиози буквально на следующий день исчез бесследно, навсегда, в результате чего его встреча с Сальваторе Греко оказалась, само собой разумеется, невозможной. Пташка был не просто в бешенстве. Он понял, что имеет дело с гораздо более крупным хищником, нежели он сам, и, пожалуй, эмиграция станет для него оптимальным решением...

Вскоре все сицилийские мафиози поняли, что Лучано Леджо действительно страшный, умный и опасный хищник, и

в первую очередь для них самих. Даже тяжелая форма костного туберкулеза не была для него препятствием для того, чтобы воплотить в жизнь свои идеи, средством для которых стала кровавая бойня на улицах Палермо. Наполовину парализованный, арестованный полицией в Корлеоне, он неизменно оказывался на высоте, каждый раз оставляя судей в недоумении и выходя сухим из воды. Перед лицом Леджо полиция каждый раз остро ощущала собственную беспомощность, вынужденная снова и снова отпускать на свободу опасного преступника из-за «неимения достаточных улик».

Леджо сбежал из больницы, где проходил курс лечения по поводу мочеполовой инфекции, словно почувствовав: за ним вот-вот опять придут полицейские. Они ему просто надоели, и Лучано решил доказать, кто на самом деле хозяин в городе.

К тому же в самой мафии царил полный беспорядок: старый состав сильно поредел в результате арестов и убийств, правительства не было вовсе, а его функции временно исполнял, по всеобщему мнению, тупой и неотесанный Гаэтано Бандаламенте. Впрочем, и того вскоре арестовали, а власть целиком и полностью перешла в руки Сальваторе Риины, известного жестокого убийцы из клана Корлеоне, которого Леджо считал своей правой рукой.

Итак, Леджо начал действовать, и первой его жертвой стал прокурор Палермской республики Пьетро Скальоне. Убийство больше походило на театральное представление и совершалось на глазах прохожих. Едва прокурор Скальоне вместе со своим шофером вышел из Дворца правосудия, его расстреляли прямо на ступенях здания. Он даже не успел приблизиться к своему служебному автомобилю.

Казнь осуществил лично Лучано Леджо, которым двигала исключительно ярость. Едва не воя от нестерпимой боли, которая терзала его, он стрелял по прокурору, видимо считая это дело более важным, чем его затянувшаяся болезнь. Убив Скальоне, Леджо сразу ликвидировал три проблемы. Во-первых, он убрал человека, который постоянно следил за ним, не давая спокойно вздохнуть; во-вторых, Скальоне только что обезглавил враждебную корлеонцам семью д'Алькамо, а следовательно, именно на представителей этого клана должно было в первую очередь лечь подозрение, и в-третьих, Леджо умело вовлек в конфликт все палермские суды, заставив их думать, что это убийство – дело рук коллег Скальоне. Расчет на самом деле был верным: даже теперь многие думают, что Скальоне пострадал за собственные темные дела, которые он тайно проворачивал, занимая столь высокий пост.

Кроме того, Леджо, как бы издеваясь, ненароком прошелся и по самолюбию «братьев», находящихся в тюрьме, – Стефано Бонтате и Бандаламенте – им тоже надо было наглядно показать, кого следует слушаться. Он убил Скальоне в районе, который принадлежал Порте Нуове, правда предупредив перед этим дону Кало о своих планах. Иначе он просто не имел

права поступить, поскольку на его клан немедленно и со всех сторон обрушились бы репрессии, началась бы новая семейная война. Зато теперь, кажется, все склонились перед авторитетом Леджо до такой степени, что присвоили одну из высших должностей в Капитуле.

А Леджо тем временем с невероятным упорством восстанавливал свои силы и вскоре мог не только свободно двигаться, но одновременно заниматься огромным количеством дел. Правда, дела эти были отнюдь не благородны и вовсе не ограничивались его политической деятельностью в мафиозном Капитуле. Однако Лучано, по характеру стратег, всегда знал, что делает. Именно благодаря ему начались неприемлемые для мафии старой закалки похищения людей с целью выкупа. Подобные дела всегда рассматривались как унижающие достоинство настоящих «людей чести». Они вызывали враждебность со стороны населения и подстегивали полицию на применение более действенных мер.

Тем не менее благодаря Леджо количество похищенных множилось с невероятной быстротой, и теперь уже даже Капитул чувствовал себя не вправе оставаться в стороне. Общее собрание не решилось вынести этому опасному убийце открытое порицание, однако его попросили действовать не так нагло, а ограничиться севером Апеннинского полуострова.

Леджо вроде бы подчинился и заявил, что согласен перенести свои действия на север Италии, но обиды не простил. Как посмел этот неотесанный Бандаламенте назвать его, как передали Лучано «доброжелатели», «кровожадным придурком»? Да кто он такой? На каждом заседании Капитула Леджо непременно высмеивал манеру произношения этого человека, который так до конца жизни и не смог избавиться от неправильных синтаксических оборотов и обидных диалектизмов.

Бандаламенте никак не мог в доступной форме выразить свои мысли по-итальянски, и каждое его высказывание Леджо встречал со злобной радостью, непременно откликаясь на него очередным издевательством. Как известно, шуток «люди чести» не понимают, у них всегда было принято «отвечать за базар», и в результате Леджо добился того, что любое его высказывание, пусть даже оно касалось каких-либо законов, принимаемых в Капитуле, воспринималось всеми как очередное оскорбление, наносимое Лучано лично Бандаламенте.

Между прочим, Лучано всегда своеобразно относился к культуре и образованию. Известно, что в школе он числился среди неуспевающих, однако парень быстро исправил положение – просто подошел к учительнице и заявил, что либо она исполняет свой профессиональный долг как следует, либо Лучано оставит женщину без ее безмозглой головы. И его взгляд говорил о том, что свое намерение он обязательно выполнит. Когда же однажды корлеонская полиция пришла арестовать Лучано, то во всем его жилище, правда рядом с кроватью, была обнаружена всего одна книга – «Война и мир» Льва Толстого. Скорее всего его просто заворожило название...

Вскоре Леджо решил освободить одну из своих жертв, однако выкуп назначил получить на территории, контролируемой Бандаламенте. Разумеется, что в этот район немедленно нагрянула полиция, а Бандаламенте попал в крайне неловкое положение, после чего сделал заявление в Капитуле: Леджо своим поступком подал повод к очередной войне.

Пострадал от самовольства Леджо и клан Сокола. На его территории произошло убийство итальянского полицейского в отставке Анджело Сорино. О том, что убийство произошло на его территории, Стефано Бонтате узнал, находясь в то время в Уччардоне. По правилам мафиозной этики о готовящемся убийстве его должны были предупредить заранее, но не сделали этого. Один из заключенных, некий Джаколоне, заявил, что знает, кто именно покончил с Сорино, и обещал назвать Стефано имя убийцы, как только будет освобожден, что вскоре и произошло. Джаколоне вышел на свободу и нашел способ передать Стефано: полицейского убил один из корлеонцев, подотчетный исключительно Лучано Леджо. Еще через несколько дней Бонтате узнал, что Джаколоне «принял крещение», или, проще говоря, его утопили. Разумеется, тело его так никогда и не было найдено.

Едва выйдя из тюрьмы, на первом же заседании Капитула Сокол сделал заявление: «Я требую, чтобы мне разъяснили обстоятельства смерти Сорино, поскольку имею на это право: это мою территорию, не спрашивая на то моего согласия, превратили в стрельбище. Я таких санкций не давал, и это противоречит закону». Оказалось, что о готовящемся убийстве Сорино не знал и Капитул, в связи с чем Гаэтано Бандаламенте полностью поддержал претензии Стефано Бонтате. Однако далее произошло нечто странное: остальные секретари Капитула молчали, не желая сказать ни да, ни нет. И лишь один заявил, что не поддерживает претензии Сокола. Этим человеком был Папа, Микеле Греко, из чего Стефано сделал безошибочный вывод: Папа знал об убийстве, и оно совершалось Леджо при полном его согласии и покровительстве.

А вскоре Леджо перешел все мыслимые границы, и Сокол решил, что пора всерьез выяснить с ним отношения. Мало того, что корлеонцы похитили одного из друзей самого Стефано, но, помимо этого, они совершили показательное убийство полицейского Руссо, который вел дело о похищении. Руссо и случайно находившийся рядом с ним собеседник были убиты с поразительной наглостью, днем, посреди городской площади и буквально в 10 метрах от поста полиции. Естественно, что и на этот раз убийство Руссо не было никоим образом согласовано с Капитулом, словно его и вовсе не существовало.

Стефано решил, что его терпению настал конец. На заседании Капитула он сказал: «Я требую, чтобы мне назвали имена убийц полковника Руссо, и настаиваю на том, чтобы к ним применили репрессивные меры». Даже Микеле Греко опешил, видя в его глазах бешенство и решимость идти до конца, поэтому предпочел отговориться помягче: «Да, – нехотя произнес он, – засаду устроили корлеонцы и даже вовлекли в эту акцию одного из моих людей, но я на самом деле не знал об этом ничего». Рассказам Папы о его полном неведении Сокол уже не поверил. Подобное наглое двойное убийство могло произойти лишь с его благословения. И кроме того, Стефано был уверен: уж если Папа признался, что в преступлении участвовал его человек, то был уверен: глава Санта-Марии дель Джезу все равно узнает правду, из любых источников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.